

УДК 123.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-3-115-131

НОУМЕНОЛОГИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА

Чернусь В.К.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация*

Аннотация. Предметом исследования является онтологическое учение Н.А. Бердяева, именуемое в статье *ноуменологией Н.А. Бердяева*. Понятие «ноумена» можно считать центральным ядром онтологической системы мыслителя. Категория «ноумен» раскрывается через категории «Дух», «свобода», «субъект». Показывается возможность рационального философского познания «ноумена». Учение о ноумене проходит сквозь большинство крупных работ Н.А. Бердяева посредством категорий «Дух», «свобода» и «субъект». Делается вывод о том, что ноумен тождественен трансцендентальному субъекту, пространством существования которого является свобода.

Ключевые слова: ноумен, феномен, субъект, объект, объективация, свобода, Дух, ноуменология, сознание.

N.A. BERDYAEV'S NOUMENOLOGY

Vladimir Konstantinovich Chernus

*National Research University «Higher School of Economics»
20, Myasnitskaya Street, Moscow, 101000, Russian Federation*

Abstract. The subject of the research is the ontologic doctrine of N.A. Berdyaev (N.A. Berdyaev's noumenology). The concept «noumen» can be considered as the kernel of the philosopher's ontologic system. The category «noumen» is revealed through the categories «spirit», «freedom», «subject». The possibility of rational philosophical understanding of «noumen» is revealed. The the noumen doctrine passes through N.A. Berdyaev's most significant works by means of the categories «spirit», «freedom» and «subject». The conclusion is made that noumen is identical to a transcendental subject whose space of existence is freedom.

Keywords: noumen, phenomenon, subject, object, objectivization, freedom, spirit, noumenology, consciousness.

Данная статья задумывалась как продолжение статьи «Неклассическая интенциональность Н.А. Бердяева» [21], главная идея которой заключалась в том, что вопреки мнению Э. Гуссерля, считавшего, что сознанию посредством интенциональности доступны лишь объекты, Н.А. Бердяев показал, что помимо объектов сознанию доступны для познания ещё и субъекты. Для изменения восприятия сознания необходима, по мнению русского философа, *«революция сознания»*. И предметом изучения философии должен быть не мир объектов, но

«субъект», который раскрывается через категории «Дух», «свобода», «сознание», «ноумен».

***

«Философия есть наука о духе. Однако наука о духе есть прежде всего наука о человеческом существовании. Именно в человеческом существовании раскрывается смысл бытия. Бытие открывается через субъект, а не через объект. Поэтому философия с необходимостью антропологична и антропоцентрична. Экзистенциальная философия является познанием смысла бытия через субъект. Субъект экзистенциален. В объекте, напротив, внутреннее существование закрывается. В этом смысле философия субъективна, а не объективна. Она основана на духовном опыте» [6, с. 23].

Понимание философии как науке о Духе – это радикальный пересмотр философии своего предмета.

В силу интенциональности сознания, которое превращает в объект всё, на что направляет свой взор, философия за свою более чем двухтысячелетнюю историю является, за редким исключением, «философией объекта». Объект исследования философии принимал разные формы: бытие Парменида, идею блага Платона, атомы Демокрита, или доказывал онтологическое доказательство Бога (существование Бога доказывалось как существование некоего идеального всеблагого и всесовершенного объекта), или исследовал монады, или строил онтологические пантеистические, просвещенческие концепции. Современная философия, отказавшаяся от классической постановки вопроса о бытии и распавшаяся

на множество философских дисциплин, также является «философией объекта».

Сомнение в философии как науке об объекте зародил Кант, когда сказал, что «вещь-в-себе» *непознаваема для органов чувств*, но возможно познание посредством рассудка. Под *вещью-в-себе* Кант понимал умопостижимый объект, ноумен, который отличается от феномена, познание которого возможно посредством органов чувств. «Вещь-в-себе», по Канту, существует сама по себе и не зависит от нашего восприятия. Но «вещь-в-себе», или «ноумен», в философии Канта – это всё ещё объект. И нашему сознанию, или, используя термин Канта, *в рассудке*, «ноумен» представляется, как умопостижимый объект, познание которого ограничено.

Феномены или явления формируются отчасти за счёт реального опыта ощущения вещей-в-себе, а отчасти за счёт априорных форм чувственности (пространство и время). Иными словами, до начала процесса познания мы воспринятую материю структурируем и организуем (накладываем координатную сетку и шкалу времени). Таким образом, мы не знаем, что представляют собой вещи-в-себе как таковые, а только лишь в изменённом виде. Отчасти мы всё же их познаём, но лишь отчасти. Что они представляют сами по себе, мы не знаем. Но что-то мы о них знаем:

1. «Ноумен» (вещь-в-себе) трансцендентен, т.е. существует сам по себе за границами пространства и времени. Для нашего познания доступны лишь явления или феномены, которые являет нам «вещь-в-себе».

2. Мир принципиально непознава-

ем, так как нашему сознанию доступны лишь феномены-явления, но мы не знаем, что находится в основании «ноуменов».

Следовательно, «философия объекта» никогда не может быть построена до конца, так как сознанию будут открываться всё новые и новые явления. Увеличение количества философских дисциплин за последние 150 лет и нивелирование самой ценности онтологии подтверждают мысль Канта.

Принципиальным отличием в понимании «ноумена» между Кантом и Н.А. Бердяевым будет то, что Кант понимал под «ноуменом» некий объект, который трансцендентен и ограниченно познаваем. Для Н.А. Бердяева «ноумен» – это субъект. И он согласен с Кантом, что если под «ноуменом» понимать объект, то он действительно не познаваем полностью, так как раскрывается нам в форме явлений. Но «ноумен», понимаемый как субъект, доступен, по мнению Н.А. Бердяева, для рационального познания.

Гегель говорил о философии как развитии мирового Духа. Но Дух Гегеля – это объективный Дух. Само название его работы «Феноменология Духа» говорит о том, что Дух для Гегеля представляется в виде феномена или объекта. Задачей своей философии Гегель видит в том, чтобы сознание преодолело субъект-объектный дуализм. Это достигается посредством развития индивидуального сознания, проходящего путь, который прошло человечество в своей истории. В результате, по мнению Гегеля, сознание должно посмотреть на мир с точки зрения «мирового духа», который завершил историю, и для которого уже нет субъект-объектного дуализма, но

есть тождество мышления и бытия. Таким образом, Гегель призывает к отказу от субъектности сознания. В феноменологии Э. Гуссерля также будет призыв к отказу от субъективности в феноменологической редукции, чтобы вещи (объекты) были доступны для сознания сами по себе.

Субъективный же Дух Гегеля – это внутренний процесс самораскрытия духа в человеческом сознании.

Для Н.А. Бердяева подобное определение субъективного Духа будет схожим, но будет преследовать иную цель. Если для Гегеля самораскрытие Духа в сознании необходимо для избавления субъективности сознания и отождествления субъективного сознания или субъективного духа с мировым духом, т.е. выход в сферу чистого мышления, в сферу логики, где происходит познание понятий, свободное от субъективных представлений, то для Н.А. Бердяева самораскрытие Духа в человеческом сознании преследует противоположную цель – утверждение субъектности сознания, свободного от объектных зависимостей и объектного мышления в целом.

Но Н.А. Бердяев отмечает заслугу классической немецкой философии в том, что она выводит категорию «субъекта» в философский дискурс: «Греческая мысль обращена к объекту, и лишь германская мысль обратилась к субъекту» [13, с. 167].

***

Философия, имея своим предметом объект в широком смысле слова, склонялась к античной метафизике, с её верой в возможность познания через понятие, классификацию и си-

стематизацию этих понятий. Эту традицию философствования заложил Аристотель в своём «Органоне». В XX в. стратегия эссенциальной философии, будучи последовательно развитой, приводит к философии языка и аналитической философии. Но проблема заключается в том, что понятие об объекте даже если и будет сформулировано посредством феноменологической редукции и будет «чистым» от субъективных наслоений, то объект, будучи погружённым в пространственно-временную сетку, неизбежно будет во времени менять своё соотношение (когерентность) по отношению к понятию, посредством которого объект познаётся. Поэтому Н.А. Бердяев не верит в возможность познания через понятие. Иная проблема эссенциальной стратегии «философии объекта» заключается в том, что феномен, как и отмечал Кант, открывается нам бесконечным количеством явлений. И философия объекта не может «поймать» объект сам по себе, о чём мечтал Гегель и Гуссерль. Многогранность объекта, данного нам в явлениях, приводит к бесконечному увеличению философских дисциплин. Но на следующем этапе эти философские дисциплины уже теряют философские основания и становятся чем-то другим. Так происходит самоубийство философии. Например, изначально в античности была онтология, которая занималась тем, что есть. Онтология тесно связана с гносеологией, т.е. учением о познании, но, познавая объект, гносеология начинает дробиться вслед за явлениями объекта, которые она исследует. Так появляется эпистемология, которая в свою очередь превращается в XX веке в *theory of knowledge*,

которая уже не имеет никакого отношения к изначальной античной онтологии.

По мнению Н.А. Бердяева, подобная более двухтысячелетняя эссенциальная стратегия «философии объекта» потерпела крах, что выразилось в кризисе философии. Крах «философии объекта» заключается в том в бесконечном размножении её дисциплин, которые уже на третьем шаге отказываются от категории «философии, онтологии или гносеологии» в своём названии.

Из этого можно сделать вывод о том, что *исследовать объект полезно, но бессмысленно*. Полезно потому, что, находясь в мире объектов, человеческое сознание адаптируется к нему, делая более комфортным своё временное пребывание в нём, полагая феноменальный мир своим домом. А бессмысленно потому, что познание объекта-феномена осуществляется посредством разума, который оперирует языком и понятиями. Но за одним понятием-явлением скрывается другое, и так до бесконечности. В ограниченной по времени человеческой жизни человек не может пройти бесконечный путь открывающихся вновь и вновь явлений-феноменов, для которых нужно придумывать новые понятия в языке. И даже бесконечное существование человечества и передача полученного знания потомкам отнюдь не гарантирует, что этот путь познания объекта будет когда-нибудь пройден.

Н.А. Бердяев предлагает радикальную иную стратегию для философии, предметом изучения которой будет не объект, но субъект, вокруг которого он выстраивает свою онтологию: «Основная метафизическая идея, к которой я

пришёл в результате своего философского пути и духовного опыта, на котором был основан этот путь, это идея примата свободы над бытием. Это означает также примат духа, который, который есть не бытие, свобода. Бытие есть как бы застывшая свобода, статизированная свобода. Примат бытия над свободой приводит к детерминизму и к отрицанию свободы. Если существует свобода, то она не может быть детерминирована бытием» [11, с. 346]. Здесь следует сделать несколько уточнений: бытие для Н.А. Бердяева – царство кесаря, или мир объектов. Свобода – это пространство существования субъектов. То есть когда Н.А. Бердяев пишет, что свобода имеет примат над бытием [5, с. 239], это означает, в том числе, примат субъекта над объектом.

Подобную точку зрения разделяют исследователи философии Н.А. Бердяева:

– Мотрошилова Н.В.: «Философию Бердяев определяет как *«самознание духа»* [19, с. 260];

– Ермичев А.А.: «Философия Бердяева начинается как саморефлексия, как самопознание личного духа и остаётся такой всегда. В этом Бердяев видел её достоинство, истинность» [16, с. 145].

Субъект и объект

Одно из многочисленных определений онтологий формулируется следующим образом: *онтология – это учение о том, что подлинно есть.*

Стратегия эссенциальной «философии объекта» заключается в том, что она изучает то, что есть. А есть **объекты**. Между тем категории «подлинно» не придаётся значение, а в большинстве определений *онтологии* вообще

отсутствует. Это позволяет исследовать трансцендентные объекты, которые даны нам либо в органах чувств, либо умозрительно как идея или идеальный объект. Категория «подлинно» выводит предмет онтологии из трансцендентной в трансцендентальную перспективу, т.е. за рамки пространственно-временной сетки. Подлинно есть то, что есть за пределами пространства и времени. В отличие от Канта, который полагал, что есть «вещь-в-себе» – объект, который может существовать за пределами пространства и времени и потому ограниченно познаваем, Н.А. Бердяев считал, что никакой объект не может существовать за пределами пространства и времени, потому что время – это состояние объекта. Мы можем помыслить трансцендентальную идею или трансцендентальный объект в виде той же платоновской идеи лошадности или регулятивных идей Канта (Бога, души, свободы), но где гарантия того, что эти идеи просто не имманентны нашему сознанию и существуют в нём до тех пор, пока существует сознание?

Согласно Н.А. Бердяеву, *подлинно есть* субъект, так как он призван существовать в пространстве свободы и вечности. И задача человека – стать трансцендентальным субъектом, т.е. посредством сознания вырваться за пределы пространства и времени. Любой объект «есть», но не подлинно, так как его пространство существования – пространство и время. Объект не может быть трансцендентным, так как у него нет сознания и самосознания, которое перевело его из трансцендентального в трансцендентное состояние. Следует отметить, что, согласно Н.А. Бердяеву, именно отсутствие са-

мосознания у объекта делает в конечном итоге его непознаваемым.

Исходя из того, что одно существует подлинно, а другое не подлинно, Н.А. Бердяев разделяет субъекты и объекты на два разных мира.

Мир подлинного существования – мир субъектов-ноуменов, царство Духа. Мир неподлинного, а точнее временного существования – мир объектов, феноменальный мир, царство кесаря.

Человек не является ни объектом, ни субъектом в чистом виде. Он заброшен в феноменальный мир, где всюду видятся ему объекты. И, насматриваясь на объекты, человек невольно объективирует себя, превращаясь в объект.

Бог же присутствует исключительно в царстве Духа. Если бы Он действовал в объективированном мире, то был бы ответственен за зло и страдания, а также человек был бы детерминирован Богом. Человек не был бы свободным. Но Бог действует только в пространстве свободы, в которое человек должен попасть после *революции сознания*. Отсюда знаменитое замечание Н.А. Бердяева, что у Бога в этом мире власти меньше, чем у полицейского.

Человек должен стать более духовным, так как Дух открывается лишь Духу, и Бог существует и говорит лишь в пространстве Духа и свободы. Но это не значит, что объективированный мир бессмыслен и что при революции сознания от него нужно отвернуться. Согласно Н.А. Бердяеву, мир был создан потому, что Бог изначально возжелал свободы. Если бы Бог не хотел свободы, то вместо мира было бы неподвижное, изначально совершенное

царство Божье, как необходимая предопределённая гармония [12, с. 46]. Но в таком мире человек не был бы свободен, а, следовательно, не мог бы быть в субъект-субъектных отношениях с Богом.

Н.А. Бердяев не отказывается радикально в своей философии от объектных категории, указывая лишь иерархию субъекта и объекта. Субъект имеет примат над объектом, следовательно, субъектные категории (Дух, свобода, личность) имеют примат над объектными (бытие, наука, культура). Исходя из парадигмы экзистенциальной философии, Н.А. Бердяев считает, что такая философия экспрессивна, на ней отпечатывается экзистенциальность познающего философа. Экзистенциальная философия исследует экзистенцию, т.е. целостное бытие до распада на объект и субъект. Так, например, Н.А. Бердяев отказывает Ж.П. Сартру в звании экзистенциального философа, потому что он остаётся в объектном мире [8, с. 301]. Противоположность миру объектов будет Царство Духа, где не будет объектов, а самое главное – где не будет отношения к чему-либо как к объекту [5, с. 275].

Человек погружён в мир объектов. Тело человека и всё, что с ним связано – объект. Но человек состоит из Духа, души и тела. Объектно тело, Дух же субъектен. В человеке будет развиваться именно то начало, на которое он будет направлять своё сознание.

Для того чтобы преодолеть субъект-объектный дуализм, необходимо перенести сознание с мира объектов. Субъект должен сначала разочароваться в объекте, испытать отчаяние. Здесь мы подходим к про-

блеме одиночества философа и философского *одиночества*.

***

По признанию самого Н.А. Бердяева, он никогда не чувствовал себя частью мира объектов. Он всегда был ему чужд. Пространство существования Н.А. Бердяева – не культура, не эмпирическая действительность [11, с. 287]. Ощущение отчужденности преследовало всю его жизнь. По воспоминаниям его современников, он приходил из другого мира и уходил в другой мир. В книге «Я и мир объектов» [2, с. 83] Н.А. Бердяев пишет, что обычно мир и люди представляются мне объектами, принадлежат объективированному миру, с которыми я не только связан, но и к которому я прикован. Разорвать оковы объективированного мира очень сложно. Люди по-разному пытаются выйти из своего «Я»: заводят друзей, строят карьеру, создают семьи и т.д. Но всё это временные решения, которые не только выводят из одиночества, но и объективируют, превращают человека в объект, который, будучи объектом, лишённым самосознания себя как «Я», уже действительно не будет чувствовать никакого одиночества.

Причина одиночества в интенциональности сознания. Человек не самодостаточен. Он обладает интенциональностью сознания, которая должна быть на что-то направлена, а направлена она, как правило, на объект, который не может дать человеку лишь сообщение, а не общение, погружая его в дальнейшую пучину объективации. Даже религиозная жизнь и Бог не могут вывести человека из одиночества

и остановить процесс превращения в объект, если Бог рассматривается как объект: «Одиноким постоянно совершает такой выход в объект, ежедневно пробует его совершить, и от этого одиночество только усиливается, а не ослабляется. Это основная истина, что никакой объект не ослабляет одиночества. Одиночество преодолевается лишь в плане существования, оно преодолевается не встречей с «не – я», а встречей с «ты», которое тоже есть «я», не встречей с объектом, а встречей с субъектом» [2, с. 84].

Н.А. Бердяев считает, что чувство одиночества – это онтологическое выражение тоски по Богу как субъекту [2, с. 86]. И поэтому необходима революция сознания, которое должно оказаться способным воспринимать не только объект, но и субъект.

Как уже было сказано выше, познание объекта – бессмысленное занятие, тем более бесполезно искать там истину. Н.А. Бердяев прямо пишет: «Никакой истины в объекте нет, истина есть лишь в субъекте» [13, с. 186]. Более того, если познающий субъект будет познавать объект или бытие, понимаемое как универсум сущих объектов, то это приведёт к тому, что такое познание будет о чём-то, а не чем-то. Только познание субъекта – это познание чего-то, а не о чём-то. Познание о чём-то – это всегда предикат познающего, на которое он тратит ограниченное время своей жизни. Познание о чём-то опасно ещё и тем, что познающий уже не будет всерьёз воспринимать своего познания. Для него уже не будет мира сущих идей, мира объектов, но будет только мир идей о сущем, не будет Бога, но будут разнообразные концепции Бога. Другими словами,

встав на путь изучения объекта, человек обречён изучать даже не сам объект, но его предикаты-свойства-явления, которых бесконечное множество. Отсюда знаменитый призыв Э. Гуссерля – «назад к вещам»: «Величайшей истиной теории познания должно быть признано, что познающий есть существующий, сам есть «бытие», и что признание смысла мира возможно лишь в субъекте, а не в объекте, т.е. в человеческом существовании. В этом и заключается истина экзистенциальной философии. Чтобы не быть наивно и бессознательно антропоцентрической, философия должна быть сознательно и критически антропоцентрической. Философия – антропоцентрична, но философ должен быть теоцентричен. Постижение тайны мира в человеческом существовании возможно лишь потому, что человек есть микрокосм и микротеос. Космоса нет в объективном мире феноменов. Бога нет в объективном миропорядке, но космос есть в человеке, Бог есть в человеке, через человека есть выход в иной мир» [10, с. 411].

Дух и духовное начало в человеке не являются объектом (объектом познания), но являются субъектом. Субъект-объектное познание здесь невозможно. Процесс Богопознания – это не гносеологическая практика, но духовная жизнь. Ошибкой же томизма, да и всей западной философии, было непонимание этой идеи. Бога пытались познать как объект, но эта попытка потерпела крах. Невозможность классического Богопознания привела в западной культуре сначала к идее отказа от Бога, атеизму, который в свою очередь приводит уже к отказу и от человека. Человек рассматривается

как объект, у которого множество предикатов-явлений, которыми занимаются самые разные науки и философские дисциплины. Поэтому лозунгом современной западной цивилизации являются «права человека», а не сам человек.

Сходную точку зрения о субъекте и объекте в философии Н.А. Бердяева разделяет С.А. Левицкий. Прочитав отрывок, посвящённый этому вопросу целиком: «Дух – необъективируем, он субъект. Объективация духа превращает его в объект, в «природу». Царство духа может познаваться лишь интуитивно, мистическим опытом. Познание же мира природы, мира «объектов» всегда носит внешний характер. Ибо мир объектов лишён глубины, присущей лишь Духу. Дух есть «ноумен», «вещь в себе», природа же есть «феномен», явление. Но, в отличие от Канта, он [Н.А. Бердяев] считает, что дело тут не в способах познания, а в бытии. В самом бытии, которое первично «было» духовной реальностью, произошла «порча», падение. Дух стал отчуждённым от самого себя. Объективация – это лишь гносеологическая категория для обозначения этой падшести бытия. Дух, личность – экзистенциальный субъект. Природа есть следствие объективации<...> Зло производит мир, связанный необходимостью... Если мир находится в падшем состоянии, то это – вина не способов познания, вина лежит в глубинах мирового бытия. Это лучше всего уподобить процессу разложения, отчуждения, которое претерпевает ноуменальный мир. Было бы ошибкой думать, что объективация происходит только в познавательной сфере. Она происходит прежде всего в бытии

самом. Она порождается субъектом, не только как познающим, но как бытийствующим<...> В результате нам кажется реальным только то, что на самом деле вторично, объективированно, и мы сомневаемся в реальности первичного, необъективированного и нерационализованного» [17, с. 125].

Если ретроспективно рассмотреть философию Н.А. Бердяева, то можно заметить, что предметом его мысли вначале был мир объектов (марксизм, социализм, политическая и социальная философия), но по мере развития его мысли, он всё больше и больше направлял свою мысль на субъект и пространство его существования (Дух, свобода, творчество, время). *Философию Н.А. Бердяева можно назвать движением от объекта к субъекту.*

Дух и сознание

Важный вывод, который следует извлечь из номенологии Н.А. Бердяева, состоит в том, что Дух – это не объект. Бога, Духа нет в объективном миропорядке, но космос есть в человеке, Бог есть в человеке, через человека есть выход в иной мир [13, с. 185]. Иными словами, Бог, Дух, имманентны человеческому сознанию. Они изначально присутствуют в человеческом сознании как потенциальность, так как человек – это образ и подобие Бога. Задача же «революции сознания» превратить эту потенциальность в актуальность. Катализатором «революции сознания» может стать разочарованность в объекте.

Возможно предположить, что разочарование в объекте может выглядеть как страдание. Ф.М. Достоевский в «Записках из подполья» писал,

что страдание – это «единственная причина сознания» [15, с. 161]. Сам Н.А. Бердяев отмечал, что сознание возникает в страдании и боли [9, с. 75]. Можно сделать вывод о том, что состояние страдания в мире объектов – это способ оставаться субъектом в мире объектов. Но для человеческой психики это тяжкое испытание.

Сознание связано с раздвоением, с распадом на субъект и объект. И человек, чтобы победить своё несчастье и боль, пытается или подняться до сверхсознания, или опуститься до подсознательного.

Согласно Н.А. Бердяеву, сознание играет двойственную роль: оно объективирует всё вокруг себя, превращает в объекты всё, на что оно направлено, но оно же единственный инструмент, данный нам Богом для преодоления *объективации* и прорыва в ноуменальное царство.

Трагедия объективированного сознания в том, что за реально существующее, за действительность признаётся вторичное, объективированное бытие; такое сознание отвергает ноуменальный мир. Объективированное сознание не способно воспринять трансцендентное, но легко воспринимает объективированный мир, так как они – явления одного порядка. Сознание ориентирует человека в мире объективации, это своеобразная защита. Оно не годится для мира ноуменов.

Сознание всегда связано с отчуждением, или объективацией. Сознание – это путь, по которому должен пройти человек. Сознание призвано быть инструментом в субъект-субъектном общении как с Богом, так и с человеком. Объективированное сознание возникло как угасание Духа, как продукт по-

гружённости человека в мир объектов, где он вынужден приспособливаться. Хотя объективированное сознание играет видимо активную роль – объективирует всё вокруг себя, в сущности оно пассивно, так как зависит от объективированного мира. Из этой зависимости следует детерминация человека и его несвобода в мире объектов. Объективированное сознание делает человека рабом бытия, но при этом создаёт ложную иллюзию обратного. Н.А. Бердяев говорит, что объективированное сознание определяется социальной обыденностью [2, с. 95].

Разочаровавшись в объекте и пройдя путь страдания как онтологической тоски по иному субъекту, сознание становится способным совершить «революцию сознания», направить свой умственный и познавательный взор не только на объект, но и на субъект в феноменальном мире и направить свой взгляд за пределы феноменального мира, на мир ноуменальный, на пространство Духа и Бога, которые будут уже не объектами в моём сознании, но субъектами. Иными словами, сознание получает возможность стать сознанием трансцендентным, превращая своего носителя из обычного человека в трансцендентный субъект, который, будучи физически телом в мире объектов, будет способен находиться в ноуменальном пространстве за пределами пространства и времени.

Восприятие сознанием субъекта иного субъекта (как другого человека в качестве субъекта, так Духа и Бога) Н.А. Бердяев называет духовной жизнью. *Следуя этой логике, можно предположить, что святой – это человек, который совершил революцию сознания и научился вместо классической*

интенциональности интенциональности неклассической, направленной на субъект. Под субъектом здесь будет пониматься как Бог, Дух, так и человек.

По мысли Бердяева, Дух (духовная жизнь) и природный мир несходны, они не встречаются и не взаимодействуют друг с другом. Духовная жизнь не является ни объективной, ни субъективной реальностью: «Духовный опыт и есть самая духовная жизнь, самая реальность духа, самая реальность божественного. В духовной жизни явлены сами духовные реальности и потому не может быть вопроса о соответствии реальностей тому, что в духовной жизни раскрывается. В духовном мире опыту не соответствуют предметные реальности, но самый опыт духовный и есть реальность высшего порядка. Духовная жизнь не есть отражение какой-либо реальности, она есть самая реальность» [3, с. 34]. Невозможно доказать другому человеку, не имеющему духовного опыта, наличие духовной жизни и духовного начала, так как доказательством для него будет наличие некоего предмета в эмпирическом мире объектов. Поэтому невозможно доказать и существование Бога тому, кто в него не верит, так как будет ожидать доказательства некоего факта, события, явления, которое можно ощутить или познать обычными органами чувств или признать, руководствуясь правилами классической гносеологии. Опыт духовной жизни не транслируем, не передаваем. Н.А. Бердяев считает, что доказывать нужно что-то лишь врагам, акт доказательства – акт победы над врагом. Но нельзя принудить человека к духовной жизни и духовному пути.

«... И ничто в мире не может мне доказать, что моей духовной жизни нет. Может быть, мира нет, но моя духовная жизнь есть. Мой опыт божественного есть, он есть обнаружение реальности божественного, он неопровержим. Высота духа, напряжённость духа, горение духа есть, есть сама реальность духа, само обнаружение духовного мира» [3, с. 35].

Важная задача духовной жизни заключается в том, что она выводит человека из мира объектов, из времени и пространства, вырывает человека из круговорота времени и детерминизма, выбрасывая его в вечность и ноуменальное царство.

Как замечает русский философ, ложные установки сознания есть источник рабства человека [10, с. 382]. Интенциональность, направленная на объект, не только бессмысленна, но и ведёт к рабству человека у объекта. Под рабством можно понимать бессмысленную потерю времени человеком, который направляет свой взор на объект, что не приводит его ни к вечности, ни к свободе, ни к познанию объекта, т.е. рабство – это бессмысленное времяпрепровождение не для себя. В отличие от Гегеля, который считал, что раб посредством труда и отчуждения получает самосознание, Н.А. Бердяев утверждает, что рабство к самосознанию Духа не приводит.

Поэтому Н.А. Бердяев призывает философию обрести свой подлинный предмет – стать наукой о духе. Философия, по его мнению, всегда бессознательно этого хотела: «Философия, которая хотела быть целостным познанием, хотела не только познать мир, но и изменить мир. Напрасно Маркс приписывал эту мысль себе, она заключена

во всякой подлинной философии. Философия хочет не только узреть смысл, она хочет и торжества смысла. Философия не примиряется с бессмыслицей мировой данности, она хочет или прорваться к иному миру, миру смысла, или открыть мудрость, вносящую свет в мир, улучшающую человеческое существование в мире. Поэтому самая глубокая, наиболее оригинальная философия открывала за феноменом, явлением, нумен, вещь в себе, за природной необходимостью – свободу, за миром – материальным – дух. И когда философия отрицает «иной», нуменальный, мир, она проецирует лучший мир в будущее, более высокое состояние мира в будущем, которое является как бы нуменом» [10, с. 384].

С этим согласуется мнение исследователя Н.А. Бердяева С.А. Титаренко: «Если психотерапевт Фрейд предлагал лечить человека путём перевода информации из подсознания в сознание, давая ей правильное осмысление, то пнеуматерапевт Бердяев предлагал лечить человека от трагизма его существования путём перевода информации из сознания в дух и последующей её коррекции» [20, с. 51].

Дух – это ноумен, а пространство ноуменов – свобода

Человек состоит из трёх ипостасей: дух, душа и тело. Если тело – это объект, душа тяготеет либо к духу, либо к телу, то дух – это субъективное начало в человеке. Н.А. Бердяев пишет, что дух следует отличать от души [3, с. 32]. Душа человека принадлежит природе, она не менее природна, чем тело, следовательно, она скорее объект, имеющих индивидуальный черты. Душа –

это нечто иное в природном мире, чем тело и материя, однако, тем не менее, душа принадлежит феноменальному миру. Но Дух не принадлежит феноменальному миру, он трансцендентен миру; в то же время природа и феноменальный мир могут просветляться в духе.

По мнению Н.А. Бердяева, к познанию духа нельзя подходить, вооружившись классической рациональностью [5, с. 251]. Невозможно дать рациональное определение Духу, так как он сразу превратится в объект, в понятие, категорию, в подобном определении. В то же время Дух – субъект. Нельзя познать Дух через понятия, но можно вести духовную жизнь, в которой будут открываться человеку признаки Духа: свобода, творчество.

Познание Духа – это обладание и пребывание в Духе, в отличие от познания объекта, где интенциональность направлена на одно из его явлений, и которому дано имя в понятии.

О Духе сложно говорить на «языке» и на языке рациональности. Его познание носит скорее апофатический характер. Например, нельзя сказать, что Дух – это бытие, но Духу принадлежит примат над бытием, так как Дух – это свобода, а свободе принадлежит примат над бытием, точнее свобода – это пространство, где обитает Дух. Духу присуща глубина и символизм.

Исследователь философии Н.А. Бердяева Мотрошилова Н.В. предлагает рациональное определение Духа: «Бердяев в своём понимании духа реалистически и философски точно исходит из следующих предпосылок: «Итак, Бердяев в своём понимании духа реалистически и философски точно исходит из следующих предпосылок:

1) дух – не нечто субстанциальное, объективное, а то, что реализуется, живёт, живёт только через человека, благодаря его жизни, сознанию, деятельности; 2) вместе с тем дух не равнозначен ни жизни, ни сознанию, ни познанию, ни деятельности индивида и человечества; 3) дух есть совокупное обозначение высших устремлений, порывов, идейных и культурных сил человека и человечества, их внутренней энергии, свободы, творчества, активности, сил любви и созидания; дух – это ценности и идеалы человечества; 4) вместе с тем дух – из-за его «увязанности» именно с человеком (и лишь исходной, частичной отнесённости к Богу) – причастен и к «бесосновным» силам зла, разрушения, силам «ничто», а не бытия, тёмным разрушительным силам и зовам нечеловеченной природы» [19, с. 277].

Другой исследователь Н.А. Бердяева – О.А. Беленкова предлагает иное определение Духа у Н.А. Бердяева: «Дух (ноумен) есть, по Бердяеву, не бытие, не сущность, а сущее, существующее, имеющее подлинное существование. Реальность духа – это реальность свободы. Дух раскрывается в субъекте, субъект же творение Божье, а потому ему дано первородное существование. Но реальность Духа имеет другой генезис, это реальность не от объекта, а от Бога, который сам есть субъект» [1, с. 60].

Д.Ю. Васильев предлагает следующее определение Духа у Н.А. Бердяева: «Дух раскрывается не понятийно, а лишь опытно. Он не символ какого-либо вида бытия, а самодостаточная реальность, обладающая внутренней полнотой, имеющая собственный источник развития. О его динамическом

начале свидетельствуют употребления, относящиеся к понятию духа – такие как высота, напряжённость, горение. Дух является субстанцией, говорит Бердяев. В принципиальном динамизме как сущности видит философ общность духа и личности, где последняя определяется как «качественно своеобразная духовная энергия и духовная активность – центр творческой энергии». Самую себя личность раскрывает в сфере духовного, или, иначе, – в сфере свободы. То, что связано с материей, с «телесным миром» обретает субстанциальность, которой приписывается «застывшее, лишённость творческого развития». «К духовной жизни, по Бердяеву, неприменимы понятия объекта и субъекта, поскольку они предполагают расчленённость, а в самой сфере духовного расчленённости нет, в ней не возникает потребность в связующих средствах» [14, с. 102].

Из этих определений Духа видно, сколько смыслов можно найти в философии Духа Н.А. Бердяева. Но следует отметить, что о Духе можно *говорить*, но ему нельзя дать точное определение в языке, т.е. он не познаваем через застывшее понятие, так как Дух динамичен, и процесс познания Духа также динамичен.

Ключом к рациональному постижению Духа может стать категория свободы, которой тоже нельзя дать определения, так как определение, закованное в понятие, превратит свободу в объект, и это будет уже объективированная свобода. Познание Духа и свободы – это экзистенциальное познание, которое невозможно формализовать в языке.

Н.А. Бердяев пишет, что «свобода – духовна, она есть дух» [10, с. 537].

«Свобода есть дух, а не бытие» [4, с. 622]. «Свобода вкоренена в царство Духа, а не в царство Кесаря» [4, с. 623]. Все эти определения показывают, что Дух и свобода – грани одного и того же пространства. Дух дышит, где хочет, Он дышит в свободе, а свобода есть только там, где присутствует Дух. Представления о бессодержательной свободе *Ungrund* – философская фикция. Бессодержательная свобода – это просто небытие, о котором мы ничего не можем сказать, так как в нём нет ничего, ни одной категории, уловимой в языке для познания. Она не познаваема даже как объект, так как у неё нет феноменов-атрибутов, на которые можно было бы направить научный взгляд. Но Дух приходит в *Ungrund*, в *Ничто* и наполняет его смыслом. Так ничто, небытие, бессодержательная свобода, *Ungrund* из негативной становится позитивной. Отдельно взятая свобода без Духа – это бездна, абсолютно непроницаемая для познающего сознания. Но свобода обретает смысл, когда в неё (в *ничто*) приходит Дух-субъект. Свобода обретает смысл, становясь пространством существования Духа, пространством существования субъекта в широком смысле слова.

Бог-субъект творит мир из *ничто*, т.е. из свободы, актуализирует её потенциальность. Но в результате актуализации свободы получается мир человека и мир объектов. Н.А. Бердяев называет этот процесс объективацией. Мир объектов – застывшая свобода, которая превращается в свою противоположность. Из пространства субъектов – в пространство объектов, из вечности – во время и пространство. И человек погружается в мир объектов.

Так разыгрывается драма человека, который должен прийти из феноменального мира в мир ноуменальный. Человек должен свободно возжелать преодоления феноменального мира, и сознание играет при этом важную роль. Когда сознанию человека приоткрывается ноуменальное пространство свободы, он становится агентом свободы, т.е. через него ноуменальное пространство прорывается в феноменальный мир. Так появляется идея творчества в философии Н.А. Бердяева. Творчество – это ответ человека на Божественный призыв. Но продукты творчества – это объекты и символы. И люди ошибочно воспринимают творчество как творение культуры. Культура – это уже результат творения человеком объектов, которые становятся ценностями. Но поскольку феноменальный мир находится в состоянии времени, то во времени ценности культуры как бы охлаждаются и перестают быть ценностями. Этот процесс получил название в философии – кризис культуры. Многие

отечественные и зарубежные философы культуры пытались найти рецепт спасения культуры, так как считали, что именно культура – это пространство существования человека.

Но задача человека, согласно Н.А. Бердяеву, не творить культуру, но отворять двери ноуменальному пространству в феноменальный мир.

В конце жизни Н.А. Бердяев честно признался, что всю свою жизнь он писал «философию свободы» [11, с. 300], постоянно усвершенствуя и размышляя о ней. Свобода для Н.А. Бердяева – это выбор субъектных отношений вместо объектных, пространство, которое находится в вечности и к которому призван каждый человек: «Свобода Духа в принципе была завоевана христианскими мучениками, отказавшимися воздавать божеские почести Кесарю» [7, с. 274].

По сути, Н.А. Бердяев, призывая философию стать наукой о Духе, призывает философов к определённого типу святости.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Беленкова О.А. Творческая личность Н.А. Бердяева. Истоки религиозно-идеалистической философии Н.А. Бердяева // Философский космос России. Памяти Н.А. Бердяева (1874-1948). Уфа, 1998. С. 60–65.
2. Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // Бердяев Н.А. Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 680 с.
3. Бердяев Н.А. Философия Свободного Духа // Бердяев Н.А. Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 680 с.
4. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря // Бердяев Н.А. Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 680 с.
5. Бердяев Н.А. Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 680 с.
6. Бердяев Н.А. Моё философское мирозерцание // Н.А. Бердяев: pro et contra / Сост., вступ. ст. и прим.: А.А. Ермичев. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1994. С. 23–28.
7. Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. Власть прошлого и грядущее // Бердяев Н.А. Истина и откровение: пролегомены к критике Откровения / сост., авт. послесл. В.Г. Безносков, авт. примеч. Е.В. Бронникова. СПб.: РХГИ, 1996. С. 156–268.

8. Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи. Сартр и судьба экзистенциализма // Бердяев Н.А. Истина и откровение: пролегомены к критике Откровения / сост., авт. послесл. В.Г. Безносков, авт. примеч. Е.В. Бронникова. СПб.: РХГИ, 1996. С. 296–309.
9. Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики [Электронный ресурс] // The Lib.RU (Электронная библиотека). URL: http://thelib.ru/books/nikolay_aleksandrovich_berdyaev/o_naznachenii_cheloveka-read.html (дата обращения: 20.08.2016).
10. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической духовности. Бердяев Н.А. Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 680 с.
11. Бердяев Н.А. Самопознание. Бердяев Н.А. Дух и реальность. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 680 с.
12. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 177 с.
13. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики. М.: Республика, 1995. 283 с.
14. Васильев Д.Ю. Идея эроса в философской системе Н. Бердяева // Философский космос России. Памяти Н.А. Бердяева (1874-1948). Уфа, 1998. С. 86–105.
15. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. 4 том. М.: Правда, 1985. С. 227–324.
16. Ермичев А.А. Я всегда был ничьим человеком... // Николай Александрович Бердяев / Под ред. Поруса В.Н. М.: РОССПЭН, 2013. 543 с.
17. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. В 2 т. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1981.
18. Мотрошилова Н.В. Николай Бердяев: Философия жизни как философия духа и западная мысль XX века // Симпозиум историко-философского ежегодника: к определению специфики и актуального значения философии Николая Бердяева. М.: Наука, 2003. С. 250–253.
19. Мотрошилова Н.В. Мыслители России и философия Запада. М.: Республика, 2006. 476 с.
20. Титаренко С.А. Н. Бердяев. Ростов-на-Дону: МарТ. 2005. 128 с. (Философы XX века – Отечественная философия).
21. Чернущ В.К. Неклассическая интенциональность Н.А. Бердяева // Образование. Наука. Научные кадры. №5. М.: ООО «Изд-во «Юнити-Дана», 2015. С. 288–296.

REFERENCES:

1. Belenkova O.A. Tvorcheskaya lichnost' N.A. Berdyaeva. Istoki religiozno-idealistichekoi filosofii N.A. Berdyaeva [N.A. Berdyaev's Creative Personality. The Origins of the Religious-Idealistic Philosophy of N.A. Berdyaev] *Filosofskii kosmos Rossii. Pamyati N.A. Berdyaeva (1874-1948)*. [The Philosophical Space of Russia. In Memory of N.A. Berdyaev (1874–1948)]. Ufa, 1998. P. 60–65.
2. Berdyaev N.A. YA i mir ob»ektov. Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya [Myself and the World of Objects. The Experience of Philosophy of Solitude and Communion] // Berdyaev N.A. *Dukh i real'nost' [Spirit and Reality]*. M., AST; Kharkov, Folio, 2003. 680 p.
3. Berdyaev N.A. *Filosofiya Svobodnogo Dukha [The Philosophy of Free Spirit]* // Berdyaev N.A. *Dukh i real'nost' [Spirit and Reality]*. M., AST; Kharkov, Folio, 2003. 680 p.
4. Berdyaev N.A. *Tsarstvo dukha i tsarstvo kesarya [The Spirit Realm and the Kingdom of Caesar]* // Berdyaev N.A. *Dukh i real'nost' [Spirit and Reality]*. M., AST; Kharkov, Folio, 2003. 680 p.
5. Berdyaev N.A. *Dukh i real'nost' [Spirit and Reality]*. M., AST; Kharkov, Folio, 2003. 680 p.
6. Berdyaev N.A. *Moe filosofskoe mirosozertsanie [My Philosophical Worldview]* // N.A.

- Berdyayev: pro et contra / Sost., vstup. st. i prim.: A.A. Ermichev. Kn. 1 [N.A. Berdyayev: pro et contra / Comp., introd. article and approx.: A.A. Yermichev. Book 1]. SPb.: RKHGI, 1994. P. 23–28.
7. Berdyayev N.A. Na poroge novoi epokhi. Vlast' proshlogo i gryadushchee [On the Threshold of a New Era. The Power of the Past and the Future] // Berdyayev N.A. Istina i otkrovenie: prolegomeny k kritike Otkroveniya / sost., avt. poslesl. V.G. Beznosov, avt. primech. E.V. Bronnikova [Berdyayev N.A. The Truth and Revelation: the Prolegomena to the Critique of Revelation / comp. ed. afterword. V.G. Beznosov, ed. note. E.V. Bronnikova]. SPb., RKHGI, 1996. Pp. 156–268.
  8. Berdyayev N.A. Na poroge novoi epokhi. Sartr i sud'ba ekzistentsializma [On the Threshold of a New Era. Sartre and the Fate of Existentialism] // Berdyayev N.A. Istina i otkrovenie: prolegomeny k kritike Otkroveniya / sost., avt. poslesl. V.G. Beznosov, avt. primech. E.V. Bronnikova [Berdyayev N.A. The Truth and Revelation: the Prolegomena to the Critique of Revelation / comp. ed. afterword. V.G. Beznosov, ed. note. E.V. Bronnikova]. SPb., RKHGI, 1996. Pp. 296–309.
  9. Berdyayev N.A. O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksa'noi etiki [Elektronnyi resurs] [Man's Destiny. Experience of Paradoxical Ethics [Electronic resource]] // The Lib.RU (Elektronnaya biblioteka). [The Lib.RU (E-library)]. URL: http://thelib.ru/books/nikolay_aleksandrovich_berdyayev/o_naznachenii_cheloveka-read.html (request date 20.08.2016).
  10. Berdyayev N.A. Opyt eskhatologicheskoi dukhovnosti [Experience of Eschatological Spirituality] // Berdyayev N.A. Dukh i real'nost' [Spirit and Reality]. M., AST; Kharkov, Folio, 2003. 680 p.
  11. Berdyayev N.A. Samopoznanie [Self-Cognition] // Berdyayev N.A. Dukh i real'nost' [Spirit and Reality]. M., AST; Kharkov, Folio, 2003. 680 p.
  12. Berdyayev N.A. Smysl istorii [The Sense of History]. M., Mysl', 1990. 177 p.
  13. Berdyayev N.A. Opyt eskhatologicheskoi metafiziki [Experience of Eschatological Metaphysics]. M., Respublika, 1995. 283 p.
  14. Vasil'ev D.Yu. Ideya erosa v filosofskoi sisteme N. Berdyayeva [The Idea of Eros in the Philosophical System of N. Berdyayev] // Filosofskii kosmos Rossii. Pamyati N.A. Berdyayeva (1874-1948) [The Philosophical Space of Russia. In Memory of N.A. Berdyayev (1874-1948)]. Ufa, 1998. Pp. 86–105.
  15. Dostoevskii F.M. Zapiski iz podpol'ya [Notes from the Underground] // Dostoevskii F.M. Polnoe sobranie sochinenii. V 4 t. [Dostoevsky F.M. Complete works. 4 volumes]. M., Pravda, 1985. Pp. 227–324.
  16. Ermichev A.A. YA vseгда byl nich'im chelovekom... [I was always a poor man...] // Nikolai Aleksandrovich Berdyayev / Pod red. Porusa V.N. M., ROSSPEN, 2013. 543 p.
  17. Levitskii S.A. Ocherki po istorii russkoi filosofskoi i obshchestvennoi mysli. V 2 t. [Essays on the History of Russian Philosophical and Social Thought. 2 volumes]. Frankfurt am main, Posev, 1981.
  18. Motroshilova N.V. Nikolai Berdyayev: filosofiya zhizni kak filosofiya dukha i zapadnaya mysl' XX veka [Nikolai Berdyayev: the Philosophy of Life as Philosophy of Spirit and Western Thought of the Twentieth Century] // Simpozium istoriko-filosofskogo ezhegodnika: k opredeleniyu spetsifiki i aktual'nogo znacheniya filosofii Nikolaya Berdyayeva [The Symposium of Historical and Philosophical Yearbook: to determine the specificity and the relevance of the philosophy of Nikolai Berdyayev]. M., Nauka, 2003. Pp. 250-253.
  19. Motroshilova N.V. Mysliteli Rossii i filosofiya Zapada [Russian Thinkers and the Philosophy of the West]. M., Respublika, 2006. 476 p.

20. Titarenko S.A. N. Berdyaev. Rostov-on-Don: MarT, 2005. 128 p. (Philosophers of the 20th century – The Russian Philosophy).
21. Chernus' V.K. Neklasssicheskaya intentsional'nost' N.A. Berdyaeva [Non-Classical Intentionality of N.A. Berdyaev] // *Образование. Наука. Научные кадры* [Education. Science. Research staff]. No 5. М.: ООО «Publishing house «Unity-Dana», 2015. Pp. 288–296.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чернусь Владимир Константинович – магистр философии, соискатель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
e-mail: vlchernus@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Konstantinovich Chernus – Master of Philosophy, Postgraduate Student of National Research University «Higher School of Economics»;
e-mail: vlchernus@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Чернусь В.К. Ноуменология Н.А. Бердяева // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки.* 2016. № 3. С. 115–131.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-3-115-131

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

V.K. Chernus N.A. Berdyaev's Noumenology // *Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy.* 2016. № 3. P. 115–131.
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-3-115-131